

4.2. ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО ВЬЕТНАМА В XVI В.

Федорин Андрей Львович

*доктор исторических наук, декан факультета востоковедения
Московской международной академии*

В соответствии с конфуцианской летописной традицией, доминирующей в странах китайского культурного ареала, к которым, безусловно, относится Вьетнам, основным содержанием и стержнем средневековых исторических хроник является описание правления «законных» династий, существовавших на территории этих стран. Если же та или иная династия оценивалась, как нелегитимная, то сведения о ней приводились лишь постольку, поскольку они касались деятельности «законных» правителей, либо в очень кратком виде помещались в специальных разделах (например, у знаменитого вьетнамского историографа XVIII в. Ле Куи Дона таковым был раздел «Сановники-изменники» (Nghịch thần truyện, 逆臣轉) [Ле Куи Дон 1973]). С учетом изложенного, реконструировать историю подобных династий, включая даже политическую, которой обычно уделяется основное внимание, на основании собственных вьетнамских летописей гораздо сложнее, чем историю «законных» правителей, и зачастую существенно больше информации о ней содержится в китайских источниках, для авторов которых проблема легитимности или нелегитимности тех или иных вьетнамских лидеров так остро не стояла. Именно к таким явлениям в историографии Дальнего Востока можно отнести описание династии Мак (1527–1677), лишь первые 6 лет правления которой (пока не появилась «законная» династия Возрожденные Ле, Lê trung hưng), во вьетнамских источниках описаны более или менее подробно. О том же, что творилось на подконтрольных им территориях оставшиеся 66 лет вплоть до конца XVI в., можно лишь догадываться, проводя соответствующие исторические реконструкции на основании данных вьетнамских источников или пытаясь отыскать нужную информацию в китайских памятниках, включая неофициальные. В любом случае, автору данной статьи так и не удалось найти более или менее полное и непротиворечивое описание политической истории династии Мак ни в одном из вьетнамских, китайских или западных исследований, поэтому в процессе перевода XVI и XVII глав Основных анналов «Полного собрания исторических записок Дайвьета», посвященных этому периоду в истории Вьетнама, он попытался с максимально возможным привлечением китайских источников составить его сам.

XVI в. в истории Вьетнама был весьма сложным и противоречивым. Именно в это время началась эпоха «Борьбы Юга и Севера» (Nam Bắc phân tranh), зародилось и окончательно сформировалось разделение страны на южные и северные фактически независимые княжества, которые вели ожесточенную, но безуспешную борьбу за господство над всем государством. И несмотря на кажущиеся неестественность и неустойчивость сложившейся ситуации, она в тех или иных формах продолжалась почти 400 лет вплоть до объединения страны в начале XIX в. основателем династии Нгуен (1802–1945) Нгуен Фук Анем (император Нгуен Тхэ-то, прав. в 1802–1819 гг.). Многочисленные междоусобные войны Юга и Севера помимо крайне негативного влияния на все стороны жизни Дайвьета (регулярные и многочисленные людские потери, разорение целых областей и провинций, препятствия на пути экономического и культурного развития нации) делали страну весьма уязвимой перед лицом внешней угрозы, исходящей со стороны могущественного северного соседа, Китая, всегда считавшего эти земли лишь временно утраченными своими территориями и во все времена мечтавшего продолжить свою экспансию на юг, которая составляла важнейшую часть его внешней политики.

В эпоху «Борьбы Юга и Севера» попыток открытой экспансии Китая против Дайвьета было предпринято две, причем если в первом случае (1540 г.) дело ограничилось существенными политическими и иными уступками, которые вьетнамцы были вынуждены сделать своим северным соседям, то во втором дело дошло до масштабного вторжения (1788–1789 гг.), пусть и непродолжительного, но весьма разрушительного и кровопролитного.

Во вьетнамской национальной исторической традиции этой эпохе не принято уделять большого внимания. Причем это касается как традиционного летописания, так и современной историографии. Местных историков гораздо больше привлекали периоды очевидных достижений и прогресса, великих героев древности и средневековья, славных побед и процветания. В этой связи, «темные времена» в истории Дайвьета, а именно к ним можно отнести эпоху «Борьбы Севера и Юга», описывались максимально лаконично (откровенного вранья не было в традиции дальневосточного летописания), причем в дальнейшем и этот весьма скудный текст вьетнамских хроник по мере его многократного переписывания и редактирования все больше сокращался и обезличивался. Поэтому современные историки располагают довольно скудной местной источниковедческой базой для реконструкции тех исторических процессов, которые происходили в стране в то время. Однако дополнительные возможности на этом пути возникают при обращении к текстам второго участника исследуемого процесса, Китая. То, что для вьетнамцев было «темными временами», для китайцев было периодом «блестящих политических и дипломатических побед», которыми они заслуженно гордились и которым стремились уделить максимальное внимание в своей исторической литературе.

В настоящей статье предпринята попытка разобраться с ситуацией в отношениях между двумя странами в XVI в., в основном на основании многочисленных китайских источников, многие из которых были написаны «по горячим следам», разумеется, делая поправки на очевидную ангажированность и пристрастность их авторов, целиком и полностью стоящих на прокитайских позициях.

* * *

В конце XV – начале XVI вв. (время правления вьетнамских императоров Ле Тхань-тонга, 1460–1497, и Ле Хиен-тонга, 1497–1504, Ле Уи-мука, 1505–1510, и Ле Тьонг-зыка, 1510–1516)¹ отношения между минским Китаем и Дайвьетом носили вполне стабильный и предсказуемый характер. Государства обменивались посольствами и дарами. Дайвьет регулярно подносил символическую дань своему северному соседу. Ритуал получения инвеституры новыми вьетнамскими правителями при переходе власти по наследству строго соблюдался. Дайвьет в китайской системе координат имел статус независимого вассального государства, стоявшего наряду с Кореей на самой высокой ступени среди всех китайских данников. Великого вьетнамского императора Ле Тхань-тонга, создавшего на южных границах империи Мин самое мощное во все времена вьетнамское государство, откровенно поглядывавшего на сопредельные территории Поднебесной и даже предпринимавшего в этом направлении кое-какие шаги, в Китае откровенно не любили и боялись. Впрочем, до открытых инцидентов дело не доходило: лишь однажды, раздраженные активностью Ле Тхань-тонга в приграничных районах и его экспансионистской политикой в отношении соседей, многие из которых были китайскими данниками, китайцы отказались принять посольство из Дайвьета, что могло рассматриваться как объявление войны, но затем ситуацию удалось урегулировать по дипломатическим каналам. При преемниках этого вьетнамского императора кроме мелких рутинных пограничных неурядиц отношения между двумя странами вообще не были омрачены ничем. Вьетнамские посольства по разным поводам прибывали в Китай чуть ли не ежегодно: 1497, 1501, 1502, 1503 (дважды), 1508, 1509, 1512, 1514 и 1515 гг. Ситуация резко изменилась после убийства в 1516 г. императора Ле Тьонг-зыка. В Дайвьете вспыхнула гражданская война, и страна погрузилась в хаос. В этих условиях вопрос об исполнении обязательств в отношении северного соседа отошел на второй план. Кроме того, пограничные провинции страны (Каобанг и Лангшон) оказались под контролем повстанцев под руководством Чан Као и его сыновей, а именно здесь был единственный проход, по которому вьетнамским посольствам позволялось проходить на территорию Китая (прибытие послов морским путем или через провинцию Юньнань категорически запрещалось). В связи с этим попытки следующих номинальных императоров Дайвьета (Ле Тьиеу-тонг, 1516–1522 и Ле Кунг-хоанг, 1522–1527) направить своих представителей к Минам, чтобы получить инвеституры, закончились неудачей. Также не рискнули пересечь границу китайские послы, которые должны были оповестить Дайвьет и приходе к власти в Китае в 1522 г. минского императора Ши-цзуна (прав. в 1522–1567 гг.). Впрочем, первое время китайцы не проявляли особого беспокойства в связи со сложившейся ситуацией, рассчитывая, что после нормализации обстановки в стране в двусторонних отношениях все нормализуется.

Однако в 1527 г. в Дайвьете произошла смена династии. Династия Поздние Ле была свергнута, и к власти пришла династия Мак в лице ее первого императора Мак Данг Зунга (Мак Тхай-то, прав. в 1527–1530 гг.). Теперь новый правитель должен был не просто подтвердить свое родство с прежним и законность правопреемственности, но и доказывать северному соседу свою собственную легитимность, как основателя новой династии, что было значительно сложнее. Положение усугублялось еще и тем, что прежние атрибуты власти, переданные династии Поздние Ле Минами в знак их признания (в первую очередь, печать), остались в руках сторонников прежней династии, поэтому, даже разгромив повстанцев Чан Као и поставив под свой контроль пограничные проходы, Мак Данг Зунг длительное время не мог наладить диалог с Минами, так как китайские пограничники его посольства, у которых не было документов с соответствующими печатями, просто не пропускали. Не действовали и прежние методы налаживания отношений – подкуп чиновников пограничных провинций, чтобы они поспособствовали принятию в Пекине выгодных для вьетнамцев решений. Высшие чиновники Гуанси и Гуандуна на контакт идти опасались, а попытки использовать чиновников среднего уровня проваливались: когда делопроизводитель-*паньгуань* из Циньчжоу (Гуанси) Тан Цин попробовал за деньги посредничать в решении назревших вопросов между Китаем и Вьетнамом, он был снят с должности, арестован и умер в тюрьме [Чжан Цзинсинь, цз. 9: 1b–2a].

Ситуация зашла в тупик. Новая вьетнамская династия всеми силами стремилась восстановить отношения с Китаем, однако по формальным причинам (отсутствие печати) даже предварительных переговоров по этому вопросу начать не удавалось. Но такое положение не могло продолжаться долго. В 1536 г. у минского императора Ши-цзуна родился наследник, и в соответствии с действующим ритуалом необходимо было направить посольства во все зависимые территории, чтобы их об этом оповестить. Когда очередной раз выяснилось, что законных (с точки зрения Китая) властей в Дайвьете нет, и уже давно, было принято решение отправить туда войска с целью навести там порядок. При дворе династии Мин это решение было поддержано далеко не всеми. За его немедленную реализацию выступали сам император, мечтавший, как и многие его предшественники, прославиться успешной военной кампанией, а также военные, для которых каждый такой поход давал реальные возможности для быстрого продвижения

¹ Вся информация, приведенная в данной статье, если она не помечена ссылкой на конкретный китайский источник, взята из Основных анналов Полного собрания исторических записок Дайвьета [TT/SA.PD 2310].

по службе и личного обогащения. Против выступали здравомыслящие гражданские чиновники центрального аппарата, а также, наиболее активно, руководители южных приграничных провинций. Первые полагали, что если не будет поставлена цель присоединить земли Дайвьета к Поднебесной (а такая попытка в начале XV в. уже предпринималась и закончилась неудачей), то поход на юг ради виртуальной «справедливости» станет пустой тратой огромных средств и не принесет ничего, кроме дальнейшего ослабления империи, и без того находившейся в сложной экономической ситуации и к тому же перед лицом реальной угрозы собственной безопасности со стороны северных кочевников. Для провинциальных же властей южного Китая этот поход был чреват очевидным истощением их провинций, а, значит, и заведомым ослаблением их собственных позиций и возможностей для обогащения. Кроме того, в случае мирного урегулирования кризиса в двусторонних отношениях они небезосновательно рассчитывали на получение крупных взяток от династии Мак.

Тем не менее, воля императора была сильнее мнения некоторых из его подданных, и 16 ноября 1536 г. Военному министерству было предложено подготовить план предстоящей компании [МШЛ, Ши-цзун, цз. 193: 4070–4071], а губернаторам Лю Сюню (Гуандун и Гуанси) и Му Шао-сюню (Юньнань)² 26 ноября 1536 г. было приказано копить деньги и провиант в ожидании приказа о скором начале карательного похода [МШЛ, Ши-цзун, цз. 193: 4080–4081]. Единственное, чего удалось добиться противникам военного вторжения, это отсрочка начала боевых действий в целях предварительного выяснения реальной ситуации в Дайвьете. Но и это было поручено не гражданским послам, которых в тот момент вполне можно было бы послать в Дайвьет (гражданская война здесь фактически закончилась еще в 1527 г.), а военным лазутчикам, как из столицы (5 декабря 1536 г. «тысяцкого стражи в парчовых одеждах Тао Фэн-и и сотника Ван Туна направили в Гуанси; тысяцкого Чжэн Си и сотника На Чжао-эня направили в Юньнань, чтобы провели дознание в отношении узурпаторов, захвативших власть в государстве Аннам...» [МШЛ, Ши-цзун, цз. 193: 4083]), так и из пограничных провинций. Таким образом, вариант мирного урегулирования ситуации (а этим могли заниматься только гражданские послы в ходе переговоров) не предполагался.

Уже 7 декабря 1536 г. план вторжения в Дайвьет был в общих чертах подготовлен и получил одобрение императора. Тем не менее, противники похода не намерены были сидеть, сложа руки, и 12 января 1537 г. на имя императора пришел доклад левого *шилана* (первого заместителя министра) министерства финансов Тан Чжоу в котором излагались семь пунктов, в соответствии с которыми поход осуществлять не следовало:

- поход противоречит наставлениям не нападать на соседей, оставленным потомкам основателем династии Мин Чжу Юаньчжаном;
- поход на Дайвьет уже предпринимался при императоре Тай-цзуне, но польза от него не покрыла издержек, император Жэнь-цзун не раз пожалел об этом, а император Сюань-цзун повелел оставить захваченные земли;
- когда Дайвьет бывает силен, он всегда представляет собой угрозу сопредельным китайским территориям, поэтому раздоры и мятежи, которые там творятся, это – счастье для Срединной империи;
- когда Ма Юань усмирал восстания в Зяотыи он поставил медный пограничный столб на территории области-*фу* Сымин, т.е. далеко за пределами нынешних земель Дайвьета, не надо уподобляться юаньским императорам, которые в течение десятков лет губили войска и теряли авторитет, пытаясь покорить эту страну;
- вьеты не отказываются подносить дань, более того, многократно пытались это сделать в последние годы, но не могли, поскольку их не пропускали через границу; нельзя их обвинять в непокорности;
- вьеты сильны, и потребуются большая армия и очень много расходов, чтобы их усмирить, гораздо больше, чем в начале XV в.;
- варвары на севере становятся все сильнее, угроза с севера очень велика, в таких условиях принимать решение о южном походе опасно.

Кроме того, в своем докладе Тан Чжоу выразил большое сомнение в целесообразности использования военных для выяснения ситуации и принятия решения о начале боевых действий, поскольку, по его мнению, они будут исходить не из интересов государства, а из личной выгоды.

Император Ши-цзун не отверг этот доклад, что свидетельствует о том, что его решимость перед лицом справедливых аргументов несколько ослабла. Военное министерство также с ним согласилось, однако окончательное решение о походе на Дайвьет все-таки решили принять после доклада военных лазутчиков, направленных на южную границу в декабре [МШЛ, Ши-цзун, цз. 195: 4115–4117].

Вскоре стрелка маятника в вопросе о начале похода на Маков вновь качнулась в сторону войны: в марте 1537 г. в столицу Китая прибыло посольство во главе с Чинь Зуи Лиеу от скрывающегося

² Интересно отметить, что оба эти губернатора были потомками ведущих китайских военачальников, участвовавших в попытке завоевания Дайвьета в начале XV в., соответственно Лю Шэна и Му Шэна.

в Лаосе императора династии Поздние Ле – Ле Чанг-тонга (правил в 1533–1548 гг.). И хотя формально это посольство было незаконным (оно прибыло через Чампу морем на судне китайских торговцев), сведения, которые были доведены до китайских властей, существенно укрепили позиции сторонников силового решения кризиса. Причем особой необходимости врать у послов не было: с точки зрения неоконфуцианской доктрины события в Дайвьете, которые окончились приходом к власти династии Мак, трактовались вполне однозначно [МШЛ, Ши-цзун, цз. 197: 4156–4157]. Подготовка к походу вновь активизировалась, в частности, было заранее подготовлено воззвание к населению страны, в котором были перечислены 10 преступлений Мак Данг Зунга, назначены гражданские чиновники и военачальники (кроме главнокомандующего), которые приступили к подготовительной работе [МШЛ, Ши-цзун, цз. 199: 4177–4179].

Повторная попытка противостоять этому, предпринятая гражданскими чиновниками, кончилась для них значительно хуже, чем предыдущая. На этот раз доклад с просьбой временно отказаться от похода подал левый *шилан* Военного министерства Пан Чжэнь. Он предложил признать Ле Ниня (Ле Чанг-тонга) правителем страны, чтобы тот, пользуясь авторитетом признанного Китаем правителя, сам навел порядок в Дайвьете и покарал Маков. Вскоре (июль 1537 г.) аналогичные доклады подали провинциальный цензор-*цзяньчаюйши* Сюй Цзюгао и контролер-*гэйшичжун* Се Тинъи. Император Ши-цзун, разгневанный тем, что его указы пробуют оспорить, отстранил Пан Чжэня от должности и прогнал со службы [МШЛ, Ши-цзун, цз. 199: 4182–4184], а Сюй Цзюгао и Се Тинъи лишил денежного содержания сроком на два месяца [МШЛ, Ши-цзун, цз. 200: 4208–4210].

Уже 16 июня того же 1537 г. было назначено высшее командование предстоящего похода на юг. Общее руководство военной операцией было поручено еще не успевшему закончить траур по умершим родителям правому старшему цензору-*дуюйши* Мао Бовэню, получившему по этому случаю еще и должность министра Военного министерства, которого с учетом удаленности от столицы будущего театра боевых действий предполагалось наделить чрезвычайно широкими полномочиями [МШЛ, Ши-цзун, цз. 200: 4194–4197]. Продолжалась и подготовка к походу на местах: в тот год в связи с этим была отменена обязательная ежегодная явка высших руководителей администрации (трех департаментов-*сы*) провинций Юньнань, Гуандун и Гуанси [МШЛ, Ши-цзун, цз. 201: 4224], а весь налог серебром, собранный в провинции Цзянси, решили не отправлять в столицу, но оставить на месте для использования во время похода [МШЛ, Ши-цзун, цз. 201: 4255]. Кроме того, местным китайским властям удалось наладить контакт с не подчинившимися Мак Данг Зунгу вождями ряда приграничных районов, в частности, со знаменитым союзником Поздних Ле Ву Ван Уеном, контролировавшим большую часть территории провинции Тхайнгуен и располагавшим десятитысячной армией, который подтвердил свою готовность присоединиться к минскому экспедиционному корпусу, как только тот войдет на территорию Дайвьета [МШЛ, Ши-цзун, цз. 204: 4262]. О взаимодействии также удалось договориться с рядом тайских и лаосских племен, проживавших вдоль западных границ Дайвьета и являвшимися данниками Китая [МШЛ, Ши-цзун, цз. 205: 4282–4283].

Между тем, активное противодействие походу на юг со стороны гражданских чиновников продолжалось. 8 ноября 1537 г. с докладом против этого плана выступил Юй Гуан, которого совсем недавно назначили инспектором-ревизором-*сюньаньйюйши* Гуандуна. В своем докладе он, ссылаясь на вновь полученные лично им данные, напирал на то, что Мак Данг Зунг контролирует практически всю территорию страны, а Ле Нинь утратил поддержку населения. В этих условиях попытка свергнуть дом Маков и вернуть дом Поздних Ле наверняка закончится большим кровопролитием и не даст нужных результатов, поскольку «нельзя выпрямить покосившееся дерево», а «прах нельзя отогреть дыханием». Кроме того, сравнивая два дома, он отмечал, что правители Ле, с точки зрения Китая, являются потомками не меньшего, чем Мак Данг Зунг, преступника Ле Лоя, руки которого к тому же обгажены кровью многочисленных убитых им китайских полководцев и чиновников. Но император был непоколебим. Поход не отменили, а Юй Гуана лишили жалования сроком на год [МШЛ, Ши-цзун, цз. 205: 4277–4279]. Впрочем, судя по всему, многочисленные обращения чиновников на высоких постах и тяжелая экономическая ситуация в стране все-таки вынуждали императора династии Мин, если не поменять, то как-то модифицировать свою позицию. При этом инициатива в решении данного вопроса постепенно перешла от чиновников центрального аппарата и двух Гуанов (Гуанси и Гуандун) к чиновникам провинции Юньнань. Переломным моментом в этом процессе стало обращение к императору эmissара-инспектора-*сюньфуши* Юньнани Ван Вэньшэна, полученное в столице 22 апреля 1538 г. Он поступил более гибко, чем его коллеги, ранее пострадавшие за свою прямоту, и основное внимание в своем докладе уделил созданию в приграничной зоне провинции специального центра, куда за помощью и поддержкой могли бы обращаться противники дома Мак. При этом не исключалось, что сюда могут обратиться и сами представители «незаконной династии» дабы попытаться добиться прощения своих преступлений на тех или иных условиях. Этот план был одобрен, и действующий император Мак Данг Зоань (или Мак Фыонг Зоань, как его называют во всех китайских источниках, старший сын основателя династии), которому Мак Данг Зунг уступил престол еще при своей жизни в 1530 г., немедленно воспользовался этой возможностью, чтобы впервые за все годы правления своей династии передать через губернатора Юньнани Цянь-*гогуна* Му Чжао-фу (также был потомком Му Шэна) послание на Высочайшее имя (ранее их просто не принимали) со своим видением сложившейся ситуации. В частности, он утверждал, что Ле Нинь – это выходец из рода Нгуен (рода *тьюа* Нгуен Кима) и не является потомком династии Поздние Ле, а полученная от Минов печать вассала к нему попала случайно. В этой связи юньнаньские чиновники впервые впервые вчерне осторожно предложили ту формулу взаимоотношений Китая и Вьетнама, которая

в дальнейшем и была реализована: Маки получают признание в качестве правителей основной части страны в обмен на отказ от ведения боевых действий против Ле Ниня и Ву Ван Уена. И хотя первоначально такая формула была отвергнута, сама эта идея уже повисла в воздухе [МШЛ, Ши-цзун, цз. 210: 4341–4343]. Впрочем, уже 26 апреля 1538 г. главнокомандующим будущей армии был назначен известный полководец Сяньнин-хоу Цю Луань [Мин ши 2007: 228]. Это свидетельствует о том, что от похода на юг в то время пока еще отказываться не собирались.

Тогда противники карательной экспедиции на юг вновь пошли на косвенное противодействие решению императора. 13 мая 1538 г. в своем докладе, внешне выдержанном в духе поддержки предстоящего похода, командующий местными войсками в двух Гуанах и одновременно *шилан* Военного министерства Цай Цзин представил калькуляцию предстоящих расходов: «Из двух Гуанов войска начнут наступление на Аннам по воде и по суше по шести направлениям. Если предположить, что для начала понадобится послать триста тысяч солдат, ограничить срок одним годом, и [посчитать] сколько понадобится продовольствия в *ши* (мера веса, один *ши* примерно равнялся 71,6 кг – *А.Ф.*), то получится один миллион шестьсот с лишним тысяч. Расходы на постройку кораблей, на покупку лошадей, на награды и на оружие приблизительно составят семьсот тысяч *лянов* серебра (один *лян* составлял около 37,3 г – *А.Ф.*). Сейчас, если посчитать солдат в двух Гуанах, исключая солдат караулов в неханьских землях, но включая на вербованных, то будет не более ста двадцати тысяч человек. Это – одна треть [от необходимого]. Если из провианта отнять ежегодно расходуемый, то привезенного извне и реквизируемого [в качестве налога на месте], а также купленного останется не более четырехсот тысяч [*ши*]. Это – одна четверть [от необходимого]. Реквизированного [в качестве налога] серебра, которое хранится на складах, не более трехсот с небольшим тысяч [*лянов*]. Это – половина от того, [что нужно]. Если боевые действия не удастся закончить в срок, то ежемесячные расходы на этой [цифре] не остановятся...».

Судя по всему, эти расчеты произвели впечатление на императора: «Сейчас вижу только различие в суждениях... Все это означает отсутствие единодушия в государственном деле. Покончим с этим. Цю Луаню и Мао Бовэню приказываю остаться в столице [в ожидании] других поручений» [МШЛ, Ши-цзун, цз. 211: 4350–4353].

По-видимому, именно тогда Ши-цзуном и было принято окончательное решение отказаться от применения военной силы в отношениях с южным соседом. 16 февраля 1539 г. был определен состав посольства Минов, которое должно было в ближайшее время отправиться в Аннам (так китайцы называли Дайвьет) [МШЛ, Ши-цзун, цз. 220: 4549–4550; цз. 224: 4647–4649; цз. 227: 4719–4721]. В марте того же года «законным» путем, через проходы в Гуанси, в Китай отправилось посольство Маков во главе с Нгуен Ван Тхаем. На территорию Минов его пока еще не пустили, но послание императору Ши-цзуну приняли. В этом послании Маки изложили свою версию событий, происходивших в стране в течение 20 лет после приостановки двусторонних дипломатических отношений, а также выразили готовность принять все условия китайской стороны в обмен на нормализацию отношений [МШЛ, Ши-цзун, цз. 221: 4593–4595]. Условия, предложенные китайцами, оказались весьма жесткими. По сведениям из китайских источников окончательно их сформулировал управитель Ляньчжоу Чжан Юэ, находившийся в постоянном контакте с представителями Мак Данг Зунга и проводивший с ними переговоры [Чжан Сё: 5; Чжэн Сяо: 15а]. Они сводились к следующему: Мины прекращали признавать Аннам в качестве отдельного подчиненного государства и низводили его до статуса одноименной провинции во главе с департаментом-*сы* Дутунши. Представитель рода Мак, вместо звания правителя государства (*гована* или, по-вьетнамски, *куоквьонга*) получал лишь должность руководителя этого департамента, губернатора-*дунуниши*, т.е. становился китайским чиновником второго ранга второго класса. Дом Маков брал на себя обязательство следовать китайскому календарю, один раз в три года подносить дань и, кроме того, оставить в покое правителей из дома Ле, закрепившихся в провинции Тханьхоа (в Татмазянге, как это место называли китайцы) и род Ву Ван Уена, закрепившийся в Тхайнгуене [МШЛ, Ши-цзун, цз. 236: 4815–4817]. Чуть позже (май 1540 г.) с подачи Линь Сиюаня, управителя Циньчжоу, что в Гуандуне, эти и без того жесткие условия были расширены за счет требования территориальных уступок, в частности, передачи четырех спорных пограничных поселений [МШЛ, Ши-цзун, цз. 236: 4815–4817].

Все эти условия Маки решили принять, поскольку им все-таки удалось выторговать главное: представителям их рода дозволялось передавать должность губернатора-*дунуниши* по наследству. Правда, для этого каждый последующий губернатор должен был получать от китайцев инвестиру, однако процедура ее получения практически ничем не отличалась от процедуры получения звания *гована*. Кроме того, при всей своей жесткости и экстраординарности требования китайцев фактически не касались реальной самостоятельности в принятии внутри- и внешнеполитических решений «губернатором» вновь созданной «провинции».

Следует отметить, что полной уверенности в том, что Маки примут их ультиматум, у китайцев не было. В этой связи военное давление на своего южного соседа они решили оказывать вплоть до момента проведения соответствующих церемоний «капитуляции» [Чжан Цзинсинь, цз.9: 11b–12a]. Направление гражданского посольства в Дайвьет было отменено. Указом от 31 июля завершение кампании по приведению к повиновению дома Мак было поручено все тем же Мао Бовэню и Цю Луаню. Впрочем, источники свидетельствуют, что это уже была чистая демонстрация силы, а не реальная подготовка к карательному походу. Вот, что предложил предпринять Мао Бовэнь в ходе подготовки к встрече с Мак Данг Зунгом: «В Гуандуне нужно использовать правительственные войска из числа ханьцев, а также

подготовленных солдат флота в количестве тридцати шести тысяч человек. В Гуанси – местных солдат в количестве семидесяти пяти тысяч человек, провиант – триста восемьдесят тысяч *ши*, серебро – восемьсот восемьдесят тысяч *лянов*...<> Также просим мобилизовать местные войска, подчиняющиеся департаментам-*сы* Сюаньвэй[ши] Юншуня и Баоцзина, что в Хугуане, и солдат флота из Чжан[чжоу] и Цюань[чжоу], что в Фуцзяни. Кроме того, просим оставить для использования продовольствие, серебро в количестве двадцати трех тысяч семисот *лянов* и [серебро], полученное в качестве налога на соль и на железо, в размере ста семи тысяч *лянов*, которые департамент-*сы* Бучжэн[ши] Гуандуна еще не успел отправить на столичные склады» [МШЛ, Ши-цзун, цз. 238: 4849–4850]. Вполне очевидно, что в этой операции предполагалось задействовать нешуточное войско и потратить немало средств, но это уже не шло ни в какое сравнение с силами и средствами, которые были бы нужны для реального захвата территории Дайвьета (см. выше), если бы оно планировалось. Акцент явно делали на мирное разрешение конфликта при максимальном удовлетворении требований китайской стороны. В этих целях, в частности, потребовалось привлечь к подготовке церемонии провинциальных чиновников среднего звена, активно задействованных в переговорах с самого начала: в Гуандун срочно вернули уже упоминавшегося управителя Ляньчжоу Чжан Юэ, который ранее уже получил новое назначение и покинул эту пограничную территорию [Чжан Цзинсинь, цз.9: 5b–9b; Чжан Сё: 5].

Окончательно стало ясно, что никакого похода не планируется, после того, как прибывший в два Гуана командующий войсками Цю Луань после конфликта с провинциальными властями южного Китая 20 октября 1540 г. был срочно отозван в столицу и никем не заменен (его обязанности были поручены местному военному губернатору-*чжэньшоу* Лю Сюню, но это, безусловно, был чисто формальный акт) [МШЛ, Ши-цзун, цз. 241: 4880]. Таким образом, от возможной военной операции было отстранено последнее лицо, заинтересованное в ее реальном осуществлении, и все властные полномочия были сосредоточены в руках гражданского чиновника Мао Бовэня, что явно указывало на стремление Минов к дипломатическому решению конфликта. Тем не менее, внешне подготовка к вторжению шла своим чередом: задействованные в этой кампании войска были расквартированы вдоль границы, а среди местного вьетского населения, проживающего в пограничных районах, было распространено воззвание, с призывом не оказывать сопротивления «армии справедливости» и схватить и выдать «Мак Данг Зунга и Мак Фыонг Зоаня» (причем последний к тому времени уже умер, и китайцам об этом было прекрасно известно) [Чжан Цзинсинь, цз.9: 13a–14a].

Церемония «принятия капитуляции» дома Мак была проведена 30 ноября 1540 г. При этом Мак Данг Зунга заранее предупредили: «Не просить должность, не просить [разрешения] подносить дань, проявить сдержанность и признать преступления, возратить земли и сдать печать, отказаться от незаконных званий, подчиниться официальному календарю. И тогда главную армию, может быть, и остановят, а [Мак] Данг Зунг, может быть, и останется в живых» [Чжан Цзинсинь, цз.10: 1b]. Вот как эта церемония была описана в китайских источниках: «Оставив [своего] внука, [Мак] Фук Хая, управлять страной, [Мак] Данг Зунг вместе со своим племянником [Мак] Ван Минем, а также с главными вождями во главе с Нгуен Ньы Куэ, всего более сорока человек, пришли на заставу. Все с линейками [в руках] и шелковыми шнурами на шее прибыли в место, установленное династией, пешком, босыми, на четвереньках, кланяясь земными поклонами. Подали прошение на Высочайшее имя с просьбой принять капитуляцию. Потом подошли к воротам военного лагеря, вновь на четвереньках били земные поклоны. Составили полные списки земель страны, солдат и народа, чиновников на должностях. В отношении всех попросили дать распоряжения. Что касается территории четырех селений-*дун*, которые в соответствии с докладом из Циньчжоу были [ими] захвачены, то выразили желание, чтобы они были подчинены внутренним [землям]. Также попросили разрешения следовать календарю [династии], тщательно сохранять выданные прежде печать и верительную бирку в ожидании дальнейших распоряжений. Тогда [Мао] Бовэнь и его люди, продемонстрировав мощь и добрую волю династии, повелели [им] временно возвратиться в [свою] страну и ждать указа. Потом [Мао] Бовэнь вместе с сановниками-руководителями [провинций и войск] совместно составили донесение, в котором говорилось: «[Правители] Аннама, убоявшись [нашего] могущества, смогли себя сдержать, прибыли и признали преступления. Что касается Ле Ниня, который сам себя объявил потомком рода Ле, то его родословная не ясна. На него опираться не следует. Просим великодушно принять [Мак] Данг Зунга, упразднить прежний титул [правителя страны] и определить, на какую новую должность его назначить». Также отправили людей сопроводить [Мак] Ван Миня и вождей в столицу» [МШЛ, Ши-цзун, цз. 248: 4966–4973].

Прибывшее в столицу Китая впервые за много лет вьетнамское посольство приняли на самом высоком уровне. Все его члены получили богатые подарки и смогли благополучно вернуться на родину. Другим вьетнамским официальным и неофициальным послам, которые пытались добраться до столицы в предыдущие годы и были задержаны на территории Китая, также дозволили вернуться в Дайвьет. Все участники этого процесса с китайской стороны, включая незадачливого Цю Луаня, получили высокие награды и повышения. 17 мая 1541 г. Мак Данг Зунгу отправили печать департамента-*сы* Дутунши Аннама. После его смерти 11 сентября 1541 г. уже 16 декабря того же года губернатором-*дунунши* Аннама был признан его внук Мак Фук Хай. Таким образом, острый конфликт между двумя странами был урегулирован, причем впервые за многие годы без применения военной силы. Оценивая события 30-х – 40-х гг. XVI в., китайские историографы считают их важной и, главное, образцовой победой дипломатии своей страны, которая в сложной ситуации позволила с минимальными издержками добиться поставленных задач. Во вьетнамской традиционной и современной историографии «капитуляция» Мак Данг Зунга перед минским Китаем долгие годы рассматривалась, как национальное предательство и позорное поражение.

Однако в последние годы оценка его действий претерпевает существенные изменения. Вьетнамские историки все чаще принимают во внимание минимальность реальных уступок Китаю со стороны дома Мак, что позволило новой династии, с одной стороны, фактически сохранить суверенитет страны, а, с другой, избежать очередной военной агрессии Китая, чреватой катастрофическими последствиями для населения и экономики и, при определенных условиях, утратой независимости и государственности. Камнем преткновения при оценке действий Мак Данг Зунга остается вопрос о территориальных уступках, но и здесь его сторонники находят аргументы для их оправдания: селение-*шань* Анлыонг, которое должно было по договору отойти Китаю, в настоящее время продолжает оставаться частью территории современной провинции Куангнинь, место нахождения других отданных северянам населенных пунктов точно установить не представляется возможным, т.е. уступка земель могла быть также чисто формальной.

Вплоть до своей смерти в 1541 г. основатель династии Мак – Мак Данг Зунг – безусловно, обладал всей полнотой власти в стране, единолично принимая решения по любым вопросам и жестко контролируя все свое окружение. Любые попытки претендовать на его власть подавлялись жестко и безжалостно. Так, в 1529 г. он без колебаний расправился с известным полководцем и многолетним соратником, своим младшим братом Мак Куэтом, лишь заподозрив его в подобных намерениях [Ли Вэньфэн, цз. 6: 23а]. Возведение на императорский престол в 1530 г. старшего сына Мак Данг Зунга – Мак Данг Зоаня, а после его смерти в 1540 г. старшего внука Мак Фук Хая во многом носили чисто формальный характер, поскольку реально все полномочия оставались в руках их отца и деда. Поэтому, как это уже неоднократно бывало во Вьетнаме, в частности, после ухода с политической арены не менее полновластных императоров Чан Нге-тонга, Ле Тхай-то и Ле Тхань-тонга, после смерти Мак Данг Зунга в 1541 г. при императорском дворе началась ожесточенная борьба за власть при участии целого ряда самостоятельных игроков, вступавших в постоянные или временные союзы между собой. Причем никто из них не обладал возможностями в одиночку захватить и удержать абсолютную власть в стране.

Анализ данных вьетнамских и китайских источников по этому периоду свидетельствует, что основных подобных группировок было три. Первую и самую мощную и влиятельную из них возглавлял уроженец уезда Тхатътхат провинции Шонтай Тайнинь-*хау* Нгуен Кинь, лидер повстанцев из Шонтая, игравших активную самостоятельную роль во время гражданских войн 10-х – 20-х гг. XVI в. Только заручившись его поддержкой Мак Данг Зунг в свое время смог одолеть и изгнать из страны своих соперников из Тханьхоа (роды Нгуен и Чинь) и поставить под свой контроль всю территорию государства. В качестве награды он провозгласил Нгуен Киня своим приемным сыном и женил его дочь на своем внуке, третьем сыне императора Мак Данг Зоаня Кхием-*выонге* Мак Кинь Диене [Мин ши 2007: 8334; Чжан Цзинсинь, цз.10: 14b–15a]. Кроме того, Нгуен Кинь по-прежнему лично контролировал всю западную часть страны – провинцию Шонтай и прилегающие к ней горные районы.

Вторую группировку при дворе Маков составляли старшие родственники императора Мак Фук Хая во главе со вторым сыном Мак Данг Зунга – Мак Тьинь Чунгом, его племянником Мак Ван Минем, который в свое время ездил в Китай в составе посольства в качестве «наследника» губернатора-*дунуниши* (должность Мак Данг Зунга) и был хорошо известен китайцам, а также рядом известных полководцев, контролировавших северные и восточные провинции государства (Нгуен Ньы До, Данг Ван Чи, Фам Ты Нги) [Мин ши 2007: 8334].

Наконец, отдельную силу составляли полководцы (Ле Ба Ли, Нгуен Кхай Кханг), руководившие войсками на юге владений Маков (провинции Шоннам и Тхайбинь) и активно противостоявшие повстанцам из Тханьхоа. В конфликте при дворе они первоначально занимали выжидательную позицию.

Во время правления императора Мак Фук Хая (1540–1546) власть в стране фактически перешла к Нгуен Киню. По данным его оппонентов, переданных китайцам, этому во многом способствовал тот факт, что ему через своего зятя Мак Кинь Диена удалось вступить в связь с матерью императора – Верховной императрицей из рода Фам [Мин ши 2007: 8334]. Учитывая, что возведенный на престол лично Мак Данг Зунгом и официально признанный Китаем молодой император был абсолютно легитимен, оппоненты Нгуен Киня были вынуждены мириться с таким положением дел, однако, когда в 1546 г. император неожиданно умер от болезни, в стране разразился очередной политический кризис. Нгуен Кинь и братья покойного императора во главе с Мак Кинь Диеном настаивали на том, что новым императором страны должен стать старший сын Мак Фук Хая – пятилетний Мак Фук Нгуен (или Мак Хоанг Зык, как его называют китайские источники), что и было предусмотрено официальным завещанием. Старшие родственники дома Мак указывали, что юный наследник не сможет справиться со сложными задачами, стоящими перед династией, в частности, по подавлению мятежников во главе с Чинь Киемом, поставившим под свой контроль все территории страны к югу от Тханьхоа включительно, и требовали возвести на престол старшего в роду Мак – второго сына Мак Данг Зунга Хоанг-*выонга* Мак Тьинь Чунга. Их голос услышан не был, и императором стал Мак Фук Нгуен. Недовольные этим оппозиционеры подняли мятеж в столице. Захватить власть им не удалось, и мятежники бежали и перебрались в уезд Хынгнян провинции Хайзыонг (вниз по Красной реке), где провозгласили императором Мак Тьинь Чунга [Мин ши 2007: 8334; Чжан Цзинсинь, цз.10: 15a–15b].

В стране вновь вспыхнула гражданская война, охватившая практически всю территорию провинции Хайзыонг, подвергшейся тотальному разрушению. Первоначально войска Мак Тьинь Чунга под руководством умелого военачальника Фам Ты Нги одержали ряд побед, и даже заставили

молодого императора уйти из столицы и укрыться на родине Маков в Хайзыонге, однако позднее, когда к командовавшему войсками императора Мак Фук Нгуена Мак Кинь Диену присоединились прежде нейтральные военачальники, представлявшие третью силу (Ле Ба Ли и его сын Ле Кхак Тхан, Нгуен Кхай Кханг, сын Нгуен Киня – Мак Хыу Мень) оппозиционеры были разгромлены и в 1547 г. бежали сначала во вторую столицу (Зыонгкинх или Солнечная столица) в Хайзыонге, а затем на границу с Китаем в провинцию Анкуанг [Мин ши 2007: 8334; МШЛ, Ши-цзун, цз.331: 6077–6078]. И только тогда император Мак Фук Нгуен смог вернуться в Тханглонг (или Восточную столицу, Донгкинх, как она тогда называлась).

Взаимоотношения с минским Китаем в этот период развивались достаточно сложно. После принятия капитуляции Мак Данг Зунга в 1540 г. и проведения соответствующих процедур, ему были вручены серебряная печать и грамота о назначении наследственным губернатором-*дутунши* Аннама. В целом без проблем прошло и получение инвеституры его преемником Мак Фук Хаем: вьетнамские посольства во главе с Нгуен Диен Кинем, прибывшее в Китай в 1542 г., чтобы поднести дань, сообщить о смерти «губернатора Аннама» и попросить разрешение на занятие этого поста его внуком, были приняты благосклонно. Указ о назначении Мак Фук Хая передали послам, причем китайская сторона не стала выдвигать требований о его неперемнной явке на пограничную заставу для личного получения соответствующих атрибутов власти [МШЛ, Ши-цзун, цз.268: 5295–5296]. Уже в следующем 1543 г. Вьетнам отправил еще одно посольство во главе с тем же Нгуен Диен Кинем и Нгуен Тьиеу Хуаном, чтобы выразить благодарность и вновь поднести дань [МШЛ, Ши-цзун, цз.273: 5366]. В 1544 и 1545 гг. Китай посетили еще два вьетнамских посольства во главе с Доан Шы Чыком и Нгуен Тхуеном соответственно [МШЛ, Ши-цзун, цз. 286: 5530; цз. 302: 5736–5737]. Однако после смерти Мак Фук Хая вьетнамско-китайские отношения вновь обострились. Из-за мятежа Фам Ты Нги и Мак Тьинь Чунга вовремя запросить инвеституру для Мак Фук Нгуена не удалось. В связи с этим бежавшие в Анкуанг Мак Тьинь Чунг и Мак Ван Минь (формальный «наследник губернатора» в посольстве 1540 г.), сил которых явно не доставало, чтобы самим обрести власть в стране, решили в 1549 г. обратиться за помощью к Китаю и с этой целью лично явились в пограничное Циньчжоу, что в провинции Гуанси. Но китайцы решили занять выжидательную позицию, чтобы сначала посмотреть, какая из сторон возьмет верх. Поэтому они не только не помогли мятежникам, но и не позволили Мак Тьинь Чунгу и Мак Ван Миню возвратиться назад [МШЛ, Ши-цзун, цз. 371: 6635–6636]. Такими образом, китайцы пытались, с одной стороны, положить конец беспорядкам на границе, а с другой – сохранить у себя, на всякий случай, «козырные карты» в лице старших представителей дома Мак, которых в случае необходимости можно было бы использовать для давления на вьетнамские власти.

Впрочем, отношение к «законному» наследнику дома Маков, Мак Фук Нгуену, со стороны северных соседей оказалось не менее настороженным, так как прибывшие в Китай старшие Маки уже успели сообщить о нем и его сторонниках крайне отрицательную информацию. В частности, они не только заявляли о фактическом захвате власти в стране Нгуен Кинем, не имевшим никакого отношения к роду Мак, но и обвинили его в том, что он «отравил» и Мак Данг Зоаня, и Мак Данг Зунга, чтобы совершить узурпацию власти. Поэтому, когда Мак Фук Нгуену в 1548 г. все-таки удалось отправить посольство в Китай (во главе с Ле Тиен Куи), чтобы попросить об инвеституре, его было приказано в Пекин не пускать и задержать в Наньнине вплоть до прояснения ситуации. В результате сотрудники посольства во главе с заместителем посла Ле Куанг Би (Ле Тиен Куи разрешили вернуться) вынуждены были просидеть там более 15-ти лет и смогли возвратиться в страну только в 1565 г. [Мин ши 2007: 8334; МШЛ, Ши-цзун, цз. 521: 8532; цз. 540: 8745]. Одновременно через пограничные контакты минский император Ши-цзун потребовал, чтобы Мак Фук Нгуен лично явился на границу с Китаем для проведения допроса. Такая процедура была осуществлена в 1549 г. при участии уже упомянутого Ле Ба Ли. Тем не менее, и повторная просьба Мак Фук Нгуена о признании его губернатором-*дутунши* в 1550 г. была отклонена [МШЛ, Ши-цзун, цз. 352: 6357].

Двусмысленная и нерешительная позиция китайских властей в отношении Вьетнама привела к негативным для них последствиям. Командующий остатками армий оппозиционеров Фам Ты Нги, так и не дождавшись возвращения Мак Тьинь Чунга и Мак Ван Миня из Гуанси, пришел к выводу, что в отсутствии легитимных претендентов на престол в лице представителей рода Мак дальнейшая его борьба становится бессмысленной. В связи с этим он решил силой вернуть их во Вьетнам и с этой целью вторгся на территорию провинции Гуанси (в Циньчжоу и Ляньчжоу) и разграбил их, уничтожив, в том числе, ряд высокопоставленных военных и гражданских чиновников. Не готовые к такому развитию событий местные китайские власти этих районов смогли отбиться и вытеснить нападавших далеко не сразу. Уже на территории Вьетнама Фам Ты Нги был окончательно разгромлен и убит вьетнамскими войсками под командованием Мак Кинь Диена. Его отрубленную голову поместили в ящик и выдали китайцам. Это сыграло решающую роль в деле признания Мак Фук Нгуена, которого в апреле 1551 г. все-таки объявили губернатором Аннама. Впрочем, китайцы использовали и эту ситуацию, чтобы еще больше ужесточить свою позицию в отношении Вьетнама: от Мак Фук Нгуена потребовали, чтобы он еще раз явился на пограничную заставу и лично получил указ о назначении и, кроме того, не удовлетворили его просьбу о выдаче Мак Тьинь Чунга и других старших представителей дома Мак, интернированных в Китае [МШЛ, Ши-цзун, цз. 371: 6635–6636]. Требование о повторной личной явке на границу Мак Фук Нгуен выполнять отказывался вплоть до своей смерти в 1564 г., и все это время вьетнамцы не посылали посольств и не подносили дань. Исключение составили лишь события 1563 г., когда посольству Ле Куанг Би, задержанному в 1548 г. в Наньнине, все-таки дозволили прибыть в Пекин и поднести дань, при этом специально отмечалось, что это не означает окончательного признания Мак Фук Нгуена в качестве

губернатора-*дутунши*. Требование его личной явки на границу для принятия указа, как неперемненное условие получения инвеституры, было сохранено.

Дальнейшее развитие событий при дворе династии Мак отодвинули решение вопроса об окончательном признании китайцами Мак Фук Нгуена в качестве губернатора-*дутунши* на второй план. Дело заключалось в том, что даже после своего возвращения в столицу новый правитель страны (вернее те лица, которые управляли государством от его имени, в первую очередь, Нгуен Кинь и Мак Кинь Диен) так и не смогли монополизировать власть. Ранее, будучи не в состоянии самостоятельно справиться с оппозицией в лице старших Маков и их войсками под командованием Фам Ты Нги, они были вынуждены опереться на относительно независимых военачальников во главе с Ле Ба Ли, которые и сыграли решающую роль в победе. После очередного воссоединения страны роль этих военачальников существенно возросла, и они стали активно конкурировать с Нгуен Кинем, Мак Кинь Диеном и другими приближенными императора из их группировки. Особенно был опасен Ле Ба Ли, контролировавший все южные территории Маков и возглавлявший войска, которые боролись с Чинь Киемом в Тханьхоа, т.е. наиболее опытные и боеспособные части. По итогам войны против Фам Ты Нги Ле Ба Ли был назначен великим канцлером-*тхайтэ*, его сын Ле Кхак Тхан женился на принцессе, старшей дочери покойного Мак Фук Хая, и стал военным губернатором провинции Верхний Шоннам. К этому деятелю также примыкали многочисленные военные и гражданские чиновники, включая высшее руководство госаппарата (*чангнгуен* и министр министерства Чинов Нгуен Тхиен), знаменитых уже в то время военачальников (сын Нгуен Тхиена Нгуен Куен, могущественный губернатор Нижнего Шоннама Нгуен Кхай Кханг), что позволяло ему активно влиять на принятие решений по всем вопросам. Ситуация была еще более опасной в связи с тем, что сторонники этого военачальника возглавляли столичную гвардию, включая стражу В парчовых одеждах (полицию и жандармерию) и личную охрану резиденций императора. В результате уже в 1551 г. в окружении Мак Фук Нгуена созрел план по устранению Ле Ба Ли и разгрому его сторонников.

Согласно данных исторической традиции сам Мак Кинь Диен не был инициатором этого плана, более того, он высказывался категорически против него. Впрочем, поверить в это довольно сложно, поскольку организаторами покушения на Ле Ба Ли были близкие ему люди – Фам Куинь и Фам Зао, муж и брат кормилицы Мак Кинь Диена, приставленной к нему в двухлетнем возрасте, когда он еще был болезненным и слабым ребенком. Когда Мак Кинь Диен вырос, он отдал должное заслугам своей «второй матери», выдвинув на высокие посты в государстве ее ближайших родственников. Интересно отметить, что семья Фам в прошлом не имела отношения к государственной элите, занималась торговлей чаем, обслуживала дом Ле Ба Ли, и именно он предложил представительницу этой семьи, чтобы она стала кормилицей одного из императорских сыновей.

В начале 1551 г. Фам Куинь и Фам Зао якобы «по собственной инициативе» решили устранить Ле Ба Ли, обвинив его в посягательстве на власть императора, собрали сторонников и ночью напали на его резиденцию, расположенную совсем недалеко от Ханоя в общине Тхиньлиет. Добиться внезапности не удалось. Слуги военачальника вовремя заметили нападавших, смогли оповестить его сторонников и держали оборону вплоть до подхода подкрепления, состоявшего из отборных солдат столичной гвардии. Вскоре сюда же подошел и сын Ле Ба Ли – Ле Кхак Тхан с регулярными частями из Шоннама. Фам Куинь и Фам Зао были наголову разбиты и бежали. В столице началась паника, император Мак Фук Нгуен и его окружение вынуждены были переправиться через Красную реку и укрыться в Бодэ. Посланные ими переговорщики предложили Ле Ба Ли замять инцидент и вернуть статус-кво. Ле Ба Ли в принципе не отверг такую возможность, однако потребовал, чтобы ему были выданы Фам Куинь и Фам Зао. Это требование не было удовлетворено, и верные императору войска начали боевые действия против мятежного военачальника. Силы были примерно равны, но мудрый Ле Ба Ли сумел привлечь на свою сторону еще и войска шоннамского Нгуен Кхай Кханга. Армия императора была разгромлена превосходящими силами противника и отступила. Не желая продолжения конфронтации, Ле Ба Ли вновь потребовал выдачи Фам Куиня и Фам Зао в обмен на прекращение боевых действий и вновь получил отказ. Ситуация была весьма своеобразной: обладая наиболее мощной военной группировкой в стране, Ле Ба Ли, тем не менее, не мог найти удовлетворяющего его выхода, поскольку под рукой у него не было кандидатуры, способной успешно претендовать на престол Мак Фук Нгуена, а его возможные личные претензии на этот пост в силу сложившихся в стране традиций не поддерживали бы даже его сторонники. И тогда Ле Ба Ли «вспомнил», что он является уроженцем провинции Тханьхоа (его семья происходила из уезда Донгшон) и вместе с близкими ему военачальниками решил перейти на сторону императоров династии Поздние Ле, пытавшихся восстановить свою власть во всей стране, опираясь на свою родную провинцию Тханьхоа и другие южные провинции. В третьей луне 1551 г. он, Ле Кхак Тхан, Нгуен Тхиен, Нгуен Куен и более 4 тыс. их сторонников прибыли в Тханьхоа и объявили о своем подчинении императору Ле Чунг-тонгу (правил в 1549–1556 гг.), который принял их с большим удовольствием, не только сохранив им прежние должности и звания, но и существенно повысив и наградив. Вскоре на сторону династии Поздние Ле перешел и ряд других знаменитых военачальников Маков, включая уже неоднократно упомянутого Нгуен Кхай Кханга, его племянника Нгуен Хыу Лиеу, младшего брата Нгуен Куена – Нгуен Миена, зятя Ле Ба Ли – Данг Хуана и других. Соотношение сил в стране кардинально изменилось, причем не в пользу династии Мак.

В том же 1551 г. по приказу императора Ле Чунг-тонга армия под руководством Чинь Киема, взаимодействуя с вновь примкнувшими к ним союзниками, начала генеральное наступление на север, повсюду громя и изгоняя гарнизоны Маков. Мак Фук Нгуен покинул столицу и перебрался в уезд Кимтхань,

оставив Мак Кинь Диена командовать войсками. В результате наступления южан вся правобережная часть страны оказалась под контролем армии Чинь Киема. Маки контролировали лишь Киньбак, Хайзыонг и северные горные провинции, примыкающие к территории Китая. До победы, казалось, оставалось сделать только один шаг. В этой связи Ле Ба Ли и Нгуен Кхай Кханг предложили переселить императора династии Поздние Ле в Донгкин (Тханглонг), чтобы уже отсюда вести борьбу за власть над всей территорией страны. Однако этому воспротивился Чинь Кiem, справедливо полагая, что при таком развитии событий он, безусловно, утратит свое исключительное положение при дворе, которое отойдет его новым союзникам, прежде всего к Ле Ба Ли и Нгуен Кхай Кхангу. Кроме того, чтобы отвлечь войска Чиней от наступления, Маки высадили крупный десант на побережье провинции Тханьхоа, который стал угрожать ставке императора Поздних Ле. И тогда было принято решение временно отвести войска на юг. Все правобережье Красной реки вновь отошло Макам.

Следует отметить, что сами по себе войска Ле Ба Ли и его сторонников, которые они привели в Тханьхоа, не были многочисленными и не могли представлять собой самостоятельную значимую военную силу. Они действительно состояли из многоопытных проверенных профессиональных воинов, но было их относительно мало, всего 4–5 тысяч человек. Впрочем, их сила была не в численности, а в том, что они являлись военными лидерами в отдельных общинах, уездах, областях-*фу* и даже провинциях (как в случае с Ле Ба Ли и Нгуен Кхай Кхангом) и были в состоянии в относительно короткие сроки привлечь на свою сторону и мобилизовать в армию большие массы местных крестьян в районах, где они обладали безусловным авторитетом. Судя по всему, их переход на сторону династии Поздние Ле не нашел массовой поддержки среди местного населения контролируемых ими районов. Во всяком случае, в дальнейшем в 50-е гг. XVI в. армии Чиней уже не могли проводить столь масштабные операции на территории противника. Более того, они были вынуждены больше защищаться, чем нападать, поскольку почти каждый год этого десятилетия на контролируемые ими районы совершали нападения маковские войска под руководством Мак Кинь Диена, который так и остался фактическим правителем северного Вьетнама вплоть до своей смерти в 1580 г. И это не было удивительным, потому что династия Мак по сравнению с династией Поздние Ле в те годы несомненно обладала значительным преимуществом, как в людском, так и в экономическом потенциале.

В этой связи положение и влияние новых союзников Чинь Киема при дворе южан постепенно падало. А в 1557 г. после смерти Ле Ба Ли (в возрасте 82 лет) и Нгуен Тхиена (в возрасте 63 лет) оно практически сошло на нет. Сыновья Нгуен Тхиена – Нгуен Куен (он же зять Ле Ба Ли) и Нгуен Фу (или Нгуен Миен), не видя для себя перспектив в рядах южан, в том же году бежали на север и вновь присоединились к Макам. Уже в следующем 1558 г. Нгуен Кхай Кханг, оставленный после очередного набега на Шоннам войска Чинь Киема управлять этой провинцией в качестве военного губернатора-*чантху*, с учетом доброго отношения, проявленного северянами к Нгуен Куену и Нгуен Фу, также попытался договориться с Маками, но был схвачен и четвертован. В 1563 г. к Макам бежал и еще один зять Ле Ба Ли – Данг Хуан (позднее он вернулся к Чиням). Дольше других продержался в рядах армий Чиней сын Ле Ба Ли – Ле Кхак Тхан, но и он в 1572 г. ушел к Макам, заплатив за это жизнями трех своих сыновей, казненных Чинь Тунгом, унаследовавшем власть от своего отца Чинь Киема. Единственным полководцем из северян, перешедших на сторону Чиней в 1551 г., у которого все здесь сложилось более менее хорошо, был племянник Нгуен Кхай Кханга тогда совсем еще юный Нгуен Хыу Лиеу, ставший наряду с Хоанг Динь Аем наиболее доверенным военачальником Чинь Тунга, получившим высший титул знатности, который могли иметь не члены семьи императора и *тьюа* (Винь-*куокконг*), благополучно умершем своей смертью в рядах чиньских армий в 1597 г. в возрасте 60 лет и удостоившемся пышных похорон.

Во вьетнамо-китайских отношениях во второй половине XVI в. сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, китайские власти признали Мак Фук Нгуена законным «губернатором» страны еще в 1551 г. и не имели к нему никаких претензий, с другой – их требование лично явиться на китайскую территорию (на заставу Чаннам или, по-китайски, Чжэньнань) он так и не исполнил, поэтому посольства его не пропускали и дань не принимали (об исключении, связанном с посольством Ле Куанг Би, мы уже упоминали выше). Еще более сложной для решения эта проблема стала в 1564 г., когда Мак Фук Нгуен умер, и пост «губернатора-*дутунши*» совершенно законно по наследству перешел к его старшему сыну Мак Мау Хопу. Какие-либо претензии ему предъявить было сложно, но и вести дела с ритуальной точки зрения также было невозможно, так как в отличие от своего отца он не получил и не мог получить даже формального признания. В результате Вьетнам и Китай не обменивались посольствами еще почти десять лет (вплоть до 1573 г.), и дань по-прежнему не выплачивалась. Судя по всему, такова была позиция минских императоров Ши-цзуна (правил в 1522–1567 гг.) и Му-цзуна (правил в 1567–1572 гг.), поскольку процесс урегулирования этого дипломатического тупика удалось наладить только после смерти последнего в 1572 г.

Вьетнамо-китайские переговоры шли на уровне администраторов приграничных китайских провинций и были очень сложными, так как император Мак Мау Хоп отказывался дважды выезжать на заставу для проведения допроса и получения соответствующих регалий, ссылаясь на пример своего отца, который этого так и не сделал (во всяком случае, во второй раз). В конце концов, уже в 1573 г., не желая вступать в открытый конфликт, китайцы пошли на уступки: они согласились признать Мак Мау Хопа «губернатором-*дутунши*» и принимать от него посольства и дань в обмен на то, что он компенсирует недовезенную дань за все прошлые годы правления его самого и его отца [Мин ши 2007: 8334]. В то же время они сохранили в силе прежнее требование о явке правителя Дайвьета на пограничную заставу для получения соответствующих регалий (в первую очередь, печати и указа), без которых его статус оставался неполноценным.

Первое посольство Мак Мау Хопа с данью прибыло в Пекин только в 1575 г. [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 9: 338; цз. 30: 724; цз. 41: 938; цз. 42: 960]. Уже в следующем 1576 г. в Пекин прибыло очередное посольство во главе с Ле Ньы Хо, которое поднесло дань сразу за четыре срока [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 45: 1019; цз. 46: 1025–1026]. В 1581 г. в Китай было направлено еще одно посольство во главе с Лыонг Фунг Тхином, которое компенсировало дань за 1557 и 1560 гг. и поднесло дань за 1575 и 1578 гг. [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 113: 2157]. Только тогда, убедившись в добросовестности Мак Мау Хопа и не желая раздувать конфликт, китайцы решили снять требование о его непременно явке на пограничную заставу и выдали послам подлинник указа о его назначении [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 114: 2166–2167]. Это можно было рассматривать как важную дипломатическую победу династии Мак, чей статус, таким образом, существенно повышался, хотя пока так и не дотягивал до прежнего статуса правителей самостоятельного вассального государства.

Мак Мау Хоп и после официального признания китайцами строго соблюдал сроки направления посольств и поднесения дани. В 1585 г. посольство во главе с Нгуен Зоан Кхамом поднесло дань за 1581 и 1584 гг. [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 162: 2959]. В 1590 г. вновь была поднесена основная и компенсационная дань посольством во главе с Лай Маном [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 226: 4202]. Впрочем, несмотря на то, что дипломатические отношения между минским Китаем и династией Мак в 70-е – 80-е гг. XVI в. были, как никогда, хорошими, это отнюдь не подвигло китайские власти оказать реальную помощь своему «губернатору-*дутунши*», когда он в 1592 г. подвергся нападению, был разгромлен своими противниками из южных провинций во главе с Чинь Тунгом, попал в плен и был казнен.

После разгрома основных сил династии Мак и гибели императора Мак Мау Хопа в Дайвьете образовалось сразу несколько центров сопротивления южанам, во главе которых были поставлены родственники казненного императора. Как это не парадоксально, наименее прочные позиции при этом были у старшего сына Мак Мау Хопа – Мак Тоана, несмотря на то, что всю власть в стране отец передал ему еще при жизни в 1592 г., объявив его императором. Привычного в таких случаях антагонизма между этими центрами не было: они были готовы сотрудничать друг с другом, объединяться против общего врага, совместно вести переговоры с Китаем с целью добиться его военной и иной поддержки в борьбе против Чиней. Многие из этих центров первоначально формировались на территории Китая, поскольку войска победителей-южан никогда не преследовали своих поверженных соперников за границами страны, всячески избегая возможных столкновений с северным соседом (ни одного такого случая в конце XVI в. не было отмечено ни во вьетнамских, ни в китайских источниках). Несмотря на непрекращающиеся ожесточенные бои практически на всей территории северного Вьетнама, в первую очередь, в провинциях Хайзыонг и Киньбак и прилегающих к ним горных районах, положение на границе было даже спокойнее, чем в обычный мирный период. Существенная часть сторонников северян из числа военных и гражданских чиновников сразу после решающих сражений 1592 г. перешла на сторону «законной» династии Поздние Ле, однако это ни в коей мере не коснулось родственников свергнутой династии (а их в командовании войсками было большинство), которым было доподлинно известно, что, оказавшись в руках противника, они неминуемо будут казнены (исключений из этого правила не было). Многие из северян, включая членов правящей семьи, пытались прекратить сопротивление, оставшись в Китае, но местные власти южнокитайских провинций, явно по указке центра, препятствовали этому, поэтому, проведя некоторое время на территории соседнего государства, отдохнув, переформировавшись и найдя себе новых союзников, они вновь и вновь возвращались на территорию Дайвьета, чтобы очередной раз потерпеть поражение и скрыться либо в Китае, либо в труднодоступных горных районах провинций Каобанг, Лангшон, Тхайнгуен или Анкуанг. Тем не менее, сопротивление южанам вплоть до конца XVI в. не ослабевало, поскольку население вновь захваченных ими земель на севере страны (прежде всего, наиболее густонаселенных и богатых провинций Хайзыонг и Киньбак) никак не хотело с этим мириться, и отряды под командованием маковских военачальников легко находили здесь поддержку и рекрутов. Чини сначала пытались умиротворить эти районы, проводя взвешенную и гуманную политику в отношении их населения, но довольно быстро поняли, что добиться нужного результата можно лишь путем тотального уничтожения экономического и людского потенциала захваченных земель, чем они активно и занимались параллельно с ведением собственно боевых действий.

Довольно быстро после разгрома 1592 г. разрозненные группировки южан объединились вокруг Мак Кинь Тьи, старшего сына фактического правителя северного Вьетнама в 60-х – 70-х гг. XVI в. Мак Кинь Диена, к которому, кстати, присоединился и наследник Мак Мау Хопа – Мак Тоан. Новый лидер уже в конце 1592 г. объявил себя императором, обосновался в уезде Тханьлам (современный уезд Намшань провинции Хайзыонг) и, пользуясь безусловным авторитетом своего отца, смог сплотить вокруг себя большинство из тех, кто готов был продолжать сопротивление. За короткий срок ему удалось набрать армию количеством до 60–70 тыс. человек и укрепиться на противоположном берегу Красной реки в непосредственной близости от главного лагеря армии Чиней, расположенного в районе столицы Тханглонг. Впрочем, это уже была совсем другая армия, чем та, что сражалась в 1592 г. Ее основу составляли добровольцы, разрозненные и плохо подготовленные, которые не могли серьезно соперничать с фактически профессиональными отрядами южан, обладавшими многолетним опытом боев. Чини прекрасно это понимали, поэтому спланировали свою операцию так, чтобы не только разгромить вновь появившегося противника, но и не дать ему спокойно отступить. Уже в феврале 1593 г. группировка Мак Кинь Тьи была разбита, в плен попал практически весь ее командный состав, включая самого императора и большую часть родственников дома Мак. Кроме того, в руках Чиней оказались десятки гражданских чиновников этой династии, до сих пор остававшихся верными своим государям. С пленными поступили

традиционно: военных, в первую очередь носящих фамилию Мак, публично казнили; гражданских после признания ими своей вины (за редким исключением) отпустили на все четыре стороны. При этом существенная часть последних вскоре вошла в состав гражданской администрации династии Поздние Ле, испытывавшей острый кадровый голод перед лицом необходимости создания своего аппарата управления на вновь приобретенных обширных и густонаселенных территориях.

В дальнейшем Макам уже не удавалось собрать столь многочисленные силы, и они ограничивались лишь партизанскими набегами, не контролируя на постоянной основе сколько-нибудь значимые районы Дайвьета. Алгоритм их действий был достаточно однообразен: прорыв с территории Китая или из горных лагерей, разгром (если все проходило хорошо) местной администрации того или иного района, при удачном стечении обстоятельств быстрое отступление назад либо, при неудачном, гибель от руки подоспевших чиньских армий. Центров притяжения было несколько. В провинции Каобанг на престол был возведен сын Мак Кинь Диена и младший брат Мак Кинь Тьи – Мак Кинь Кунг, основатель династии каобангских Маков, которая просуществовала до 70-х гг. XVII в. Его легитимность была закреплена тем, что свою корону он получил из рук сына Нгуен Киня, прославленного военачальника Мак Нгок Лиена (тот принял фамилию правящей династии). Другой знаменитый маковский полководец, младший брат Мак Кинь Диена – Мак Дон Ньбюнг сделал ставку на еще одного сына Мак Кинь Диена – Мак Кинь Банга [Мин ши 2007: 8335; Чжан Цзинсинь, цз.11, 3b–4a]. Судя по всему, в их действиях явно прослеживается определенная координация, поскольку Мак Кинь Банг не стал претендовать на роль императора, но объявил себя губернатором-*дутунши*, явно стремясь добиться благосклонности и расположения китайских властей. Самостоятельную роль в организации сопротивления Чиням также играли сын Мак Кинь Тьи – Мак Кинь Зунг, действовавший в Тхайнгуене, и Мак Кинь Тьбюнг, еще один военачальник, судя по фамилии, близкий к дому Мак Кинь Диена, сферой приложения сил которого была провинция Анкуанг, граничащая с китайской провинцией Гуандун [Мин ши 2007: 8335]. Они оба также не стали объявлять себя императорами.

Поражение Мак Кинь Тьи в 1593 г. окончательно развеяло надежды на китайцев на то, что в Дайвьете удастся восстановить династию Мак, которая вполне их устраивала. Поэтому, не прекращая помощи своим незадачливым союзникам, они стали искать альтернативные варианты послевоенного обустройства своих южных границ, прекрасно понимая, что сдержанность Чиней в плане беспокойства сопредельных китайских земель может носить временный характер, и без достижения политических договоренностей стабильный мир на юге, столь необходимый явно слабеющей династии Мин, практически не достижим. Следует особо подчеркнуть, что в отличие от 40-х гг. XVI в. вариант военного вмешательства во внутренние дела Дайвьета вообще не рассматривался. Местным властям южных провинций Китая, которые, собственно говоря, и занимались урегулированием этой проблемы, было дано указание решать все возникающие вопросы исключительно политическими методами. При этом позиции китайцев были весьма сильны, поскольку скорейшее восстановление династией Поздние Ле даннических отношений с Китаем было одной из очевидных конечных целей дома Чинь в борьбе против Маков, ради которой они могли пойти на существенные принципиальные уступки.

Свою цель переговоров с Чинями китайцы сформулировали достаточно рано. Уже в 1593 г. в докладе в столицу эмиссар-инспектор-*сюньфуши* провинции Гуанси Чэнь Да-кэ предложил вести линию на сохранение в Дайвьете прежней ситуации, предусматривающей наличие сразу двух государственных образований – большого, контролирующего практически всю территорию страны, и малого, контролирующего лишь одну–две провинции. Такими образованиями и раньше были соответственно династия Мак и династия Поздние Ле, управлявшая с ведома китайцев провинцией Тханьхоа или Татмазянгом, как они ее называли, но в новых условиях предполагалось поменять их местами: предоставить династии Поздние Ле право управлять всей страной, оставив за Маками свободу действий на незначительной части ее территории (первоначально речь шла о двух провинциях – Каобанг и Тхайнгуен). Этот план подразумевал также, что Дайвьет сохранит в двусторонних отношениях свой прежний формальной статус провинции Аннам минского Китая под управлением губернатора-*дутунши*, передающего свою власть по наследству. При этом при передаче власти от одного поколения губернаторов другому вновь назначаемый «чиновник» был обязан являться на территорию сюзерена (на заставу), чтобы лично получить указ о назначении. Кроме того, будущему губернатору предписывалось еще до решения вопроса о назначении прибыть на пограничную заставу для проведения достаточно унижительных процедуры допроса и церемонии «признания своих преступлений», подобной той, которую прошел в 1540 г. Мак Данг Зунг. Данное предложение Чэнь Дакэ получило полное одобрение минского императора Шэнь-цзуна (правил в 1572–1620 гг.) и было положено в основу позиции китайских чиновников, которой они неизменно придерживались во время переговоров с представителями дома Чинь [Мин ши 2007: 8335–8336; Чжан Цзинсинь, цз.11: 4a–4b; 6b–8a]. Эти переговоры начались уже в том же 1593 г. сразу после того, как южане взяли под свой контроль ведущие в Китай горные проходы.

Ведение дел с китайцами от имени династии Поздние Ле формально было поручено Нгуен Ван Зяю, победителю столичного конкурса при дворе династии Поздние Ле, проведенного в 1580 г., который занимал высшие посты в государственном аппарате южан, однако главная роль в переговорах была отведена До Уонгу, лауреату дворцового экзамена 1556 г. при дворе императоров Мак, который в свое время во многом способствовал нормализации двусторонних отношений с Китаем и в 1580 г. возглавлял первое после длительного перерыва посольство Маков к Минам. Этот человек, добровольно перешедший на сторону династии Поздние Ле в самом начале 1593 г., был хорошо известен в Китае, что во многом

способствовало налаживанию взаимопонимания и взаимного доверия между сторонами.

Переговоры шли очень тяжело. Вьетнамцы указывали, что династия Поздние Лене является династией узурпаторов, в том числе, и с точки зрения минского Китая. В этой связи ее представителям не за что было просить прощения у Минов. Правители этого дома всегда почитались китайскими властями в качестве властителей самостоятельного государства, подчиняющегося «Небесной династии» и подносящего ей дань, и их низведение до уровня простых губернаторов рядовой провинции, равно как и пересмотр ритуалов взаимоотношений, несправедливы и неоправданны. Но особое недовольство представители Чиней высказывали в связи с требованием оставить в покое оставшихся в живых членов династии Маков и дать им возможность сохранить за собой часть территории Дайвьета, пусть даже незначительную. Было проведено несколько раундов переговоров, причем каждый раз это было связано с реальным риском для жизни послов, так как их все время пытались перехватить партизанские отряды Маков. Однажды им это удалось сделать, и До Уонгу и Нгуен Ван Зяю, потерявшим всю свою охрану, пришлось пешком уходить в горы, спасаясь от опасности. Однако каких-либо уступок со стороны китайцев добиться так и не удалось. При этом династию Мин на этих переговорах всегда представляли чиновники относительно низкого уровня, которые просто не имели полномочий менять позицию, поэтому для послов южан сразу стало вполне очевидно, что каких-то подвижек добиться не удастся. В конце 1594 г. китайцы заявили, что дальнейшие переговоры бессмысленны и что если Ле Зуи Дам (император Ле Тхэ-тонг, правил в 1573–1599 гг.) не явится на заставу Чаннам в установленный ими срок (26 марта 1596 г.), никаких дел с его представителями они больше иметь не будут [Чжан Цзинсинь, цз.11: 9а].

В итоге Чини решили все-таки провести требуемые церемонии в установленное китайцами время, отправив на границу императора Ле Тхэ-тонга и большое количество сопровождающих его лиц. Впрочем, они видимо надеялись, что Мины, в конце концов, смягчат свою позицию хотя бы по некоторым вопросам. Однако в ходе предварительных переговоров по процедурам «допроса» и «признания преступлений», проходившим на месте накануне церемонии, выяснилось, что этого не будет. И тогда вся прибывшая на границу делегация во главе с императором Ле Тхэ-тонгом внезапно возвратилась в Тханглонг, что было воспринято китайцами, уже все подготовившими для встречи, как очевидное оскорбление [МШЛ, Шэнь-цзун, цз.298: 5561–5583]. Позднее Чини называли в качестве причин такого решения болезни, начавшиеся среди солдат и сопровождающих, отсутствие продовольствия, которое закончилось из-за длительного ожидания, угрозу со стороны войск Маков, которым Мины предписывали отдать Каобанг (застава Чаннам, где проходили переговоры, располагалась в непосредственной близости от этой провинции) [Мин ши 2007: 8336; Чжан Цзинсинь, цз.11: 9b]. Однако, по мнению китайских чиновников, в частности, того же Чэнь Дакэ, дело могло быть в том, что Чинь Тунг, реальный лидер группировки южан, борющихся за власть в Дайвьете, в последнюю минуту захотел получить властные полномочия и инвеституру сам, отстранив от власти законного представителя династии Поздние Ле [Чжан Цзинсинь, цз.11: 9b–10a].

Поскольку военного решения проблемы Дайвьета не предусматривалось [МШЛ, Шэнь-цзун, цз. 301: 5648–5649], переговоры с Чинями, несмотря на угрозы китайцев об их прекращении, все-таки продолжились. Для возобновления переговоров Мины в 3-ю луну 1597 г. отправили своего представителя Ван Цзяньли непосредственно в Дайвьет. При этом они еще более ужесточили свои требования: процедура «признания преступления» была предписана еще более жесткая и, кроме того, новый губернатор-*дутунши*, если таковой будет признан, лишался права направлять посольства непосредственно в столицу Минов, дань от него на высочайшее имя передавалась провинциальным властям провинции Гуанси непосредственно на границе. На этот раз, Чини, чья вооруженная борьба с Маками продолжалась, причем не так уж и успешно, были вынуждены принять условия китайцев. 13 мая 1597 г. (или 16 мая, как в китайских источниках) делегация южан во главе с императором Ле Тхэ-тонгом вновь прибыла на заставу Чаннам, где 27 мая (или 25 мая, как в китайских источниках) того же года процедуры «допроса» и «признания преступлений» наконец-то были проведены [Чжан Цзинсинь, цз.11, 11b, 12b]. Вот как они описаны в наиболее подробном и заслуживающем доверия вьетнамском источнике: «Император построил войска и слонов, прошел через заставу Чаннамзю и провел большое собрание по проверке вместе с военным инспектором по полицейским делам-*сюньдао* Цзоцзяна Минов, заместителем судьи-*аньча*[*ши*] Чэнь Дуньлинем, а также чиновниками областей-*фу* Сымин и Тайпин, *чжоу* Лунчжоу и Пинсян, что в [провинции] Гуанси. На церемонии воссоединения все радовались и поздравляли друг друга. С тех пор две страны на юге и на севере вновь стали общаться» (ВК-ХVII: 59b).

А вот как это описано в одном из китайских источников: «Утром в десятый день (25 мая 1597 г.) открыли заставу. Ле Зуи Дам, окруженный своей охраной во главе с Хоанг Динь Аем, подошел к подножью помоста Чжаодэ («Блистательной добродетели»), где с глубоким почтением был установлен драконий (императорский) шатер, расставлен почетный караул с парадным оружием и табличками для приказов. Ничего не было упущено. У дороги, по которой шли с визитом, разделившись по категориям, в шеренгах стояли солдаты, строго соблюдая строй. Первыми шли носильщики. Затем шли присланные варварами солдаты охраны, затем – [Ле] Зуи Дам вместе с сановниками и старейшинами всей страны. Все шествовали гуськом со сверкающими табличками для приказов. Ле Зуи Дам, без [верхней] одежды, босиком, с телом, обвязанным белой веревкой, обратился лицом к северу и пал ничком на землю. Ли Таочэн лично развязал эту веревку. [Ле] Зуи Дам встал и оделся, неоднократно вместе с сановниками и старейшинами послушно произвел церемонию пяти падений ниц и трех земных поклонов. Наконец, передал грамоту с признанием своей вины, затем поднес заменяющую его статую из золота. Следом вперед вышли сановники и старейшины всей страны, которые пали ниц, признавая свои преступления, и молили дать им милостивый указ. Хуан

Юй в соответствии с указанием, полученным от генерал-губернатора-*цзунду*, [департаментов-*сы*] [Ань] фу[ши], Ань[чаши] и Сянь[чаши], провозгласил предварительный указ о прощении преступлений и [дозволении] вернуться в страну. С почтением написали совместное прошение дать указ о мерах, которые нужно предпринять. После того, как [Ле] Зуи Дам еще раз совершил церемонию пяти падений ниц и трех земных поклонов, почтительно разобрали драконий шатер и направились в округ-*дао* Цзоцзян для представления и поклонов. Позднее совместно с большим количеством чиновником подвергся допросу: что раньше, что позже; что было, чего не было; что требует, что получил, а что потерял. Ле Зуи Дам, приложив руки ко лбу [в знак уважения], заявил, что ничего не требует. Лично приказали [ему] с уважением отнестись к решению оставить в покое дом Маков. Ле Зуи Дам вместе с сановниками и старейшинами все это прекрасно поняли со всей очевидностью. Распределили различные подарки и награды в зависимости от положения. Отдали приказ закрыть заставу. Что касается белой веревки, [которой был связан Ле Зуи Дам], то ее поместили в хранилище области-*фу* Тайпин. А что до золотого человека, переданного вместо него самого, то в соответствии с прежними уложениями голова у него была, как у арестанта, а лицо – обвязано веревкой. [Ле] Зуи Дам также отдельно сказал о себе, что он совершил преступления ради восстановления [правления своего дома], в то время как [Мак] Данг Зунг уже некоторое время занимал престол, и сделал почтительным выражение [своего] лица. Проверили подозрение в том, что он проявляет заносчивость. Повелели ради этого выйти за рамки и пасть ниц. Написали на его спине двадцать шесть иероглифов: «Наследник дома Ле из Аннама Ле Зуи Дам был вынужден на коленях приползти к Небесным воротам, с почтением поднес заменяющего его золотого человека, раскаялся и попросил о милости». [Ле] Зуи Даму разрешили временно пользоваться серебряной печатью, которую ранее дали дому Мак, вплоть до дня, когда отольют новую печать и передадут [ее]» [Чжан Цзинсинь, цз.11: 12b–13b]. По свидетельству Чжан Сё даже уже в ходе церемонии вьетнамская сторона пыталась смягчить жесткие процедуры урегулирования отношений, предписанные китайцами: «[Ле Зуи Дам] когда следовал по дороге в Цзоцзян, попросил, чтобы его встретили, как гостя. Также попросил упростить церемонию принятия капитуляции. Во всем этом отказали. Хуан Чэнцзу, встав рядом, сказал [Ле] Зуи Даму грозным голосом: «Сейчас же вернешься в страну, если, не успев еще проглотить и половину [ореха] арековой пальмы, уже скупись на четыре поклона». Тут же стал кланяться. И все местные предводители тоже стройными рядами стали кланяться. Всех за это наградили» [Чжан Сё: 6].

Таким образом, процедура признания Минами императора Ле Тхэ-тонга была не менее унижительной, чем в прошлом процедура признания Мак Данг Зунга. При этом следует учитывать, что Мак Данг Зунг на момент ее проведения действующим императором Дайвьета уже не был, а Ле Тхэ-тонг – был. И это не удивительно, поскольку реальным предводителем южной группировки на тот момент являлся Чинь Тунг, который на заставу не ездил и в общем-то сам ничем не рисковал, так же как в 1540 г. ничем не рисковал действующий император династии Мак, внук Мак Данг Зунга – Мак Фук Хай.

На фоне нормализации отношений между Чинями и династией Мин сопротивление Маков постепенно затухало. Китайцы, как и прежде, не отказывали им в помощи, позволяли им переходить границу, скрываясь от преследования, и некоторое время проводить на территории своих южных провинций. Но военной поддержки ждать не приходилось, равно как и возможности набирать наемников из числа местного населения. Кроме того, официальное признание Ле Тхэ-тонга Минами в качестве «губернатора-*дутунши* департамента-*сы* Дутунши Аннам» в немалой степени способствовало его легитимизации в глазах населения Дайвьета, что существенно уменьшило количество сторонников свергнутых Маков, готовых активно поддерживать их с оружием в руках, даже в традиционно преданных им провинциях Киньбак и Хайзыонг. Не отказывались от активных действий и сами Чини. Уже в 1593 г. был взят в плен и казнен «губернатор-*дутунши*» Мак Кинь Банг. Еще больший удар по сопротивлению нанес уход самых авторитетных и знаменитых военачальников Маков – Мак Дон Ньёнга и Мак Нгок Лиена, умерших естественным образом соответственно в 1593 и 1594 гг. В 1596 г. в результате блестяще спланированной и проведенной операции в Анкуанге был схвачен Мак Кинь Тьёнг, а в 1598 г. в ловушку удалось заманить Мак Кинь Зунга (кстати, именно Мак Кинь Зунга, как сына императора Мак Кинь Тьи, китайцы рассматривали в качестве будущего главы дома Мак, владеющего Каобангом [Чжан Цзинсинь, цз.10: 15a]). Из значимых фигур дома Мак к концу XVI в. остался лишь император Мак Кинь Кунг, но и он большую часть времени проводил за пределами своего «удела» в Каобанге (о Тхайнгуене речь уже и не шла), так как всякий раз натывался там на превосходящие численностью войска Чиней, вынуждавших его спешно отступать назад в Гуанси. Его многократные попытки обратить внимание местных властей южно-китайских провинций на несоблюдение Чинями условий двустороннего соглашения по Каобангу результатов не дали, воевать за него никто не собирался.

Не вызывает сомнения тот факт, что при отсутствии других внешних факторов Чини должны были бы покончить со своими северными противниками достаточно скоро, и слабеющие Мины вряд ли бы смогли их защитить, но обстоятельства сложились так, что на южных территориях Дайвьета сформировалась новая, значительно более опасная угроза военной группировке под руководством *тюа* Чинь в лице их бывшего союзника – рода Нгуен (впоследствии стал последней императорской династией Вьетнама), который не только образовал полностью независимое княжество в провинциях южнее Нгеана, но и стал откровенно претендовать на господство над всей территорией Дайвьета. В этих условиях Маков пришлось временно оставить в покое и даже позволить им реально властвовать в Каобанге вплоть до 1677 г. Борьба на два фронта в планы Чиней никак не входила. Впрочем, это уже выходит за пределы той темы, которую мы планировали осветить в данной статье.